

Е. Э. Пчелинцева

СЕМАНТИЧЕСКИЙ ПРИЗНАК КРАТНОСТИ В РУССКИХ ОТГЛАГОЛЬНЫХ ИМЕНАХ ДЕЙСТВИЯ

Статья посвящена исследованию семантического потенциала русских отглагольных имен действия в сфере выражения аспектуальной категории кратности. Установлены типы значений кратности, релевантные и нерелевантные для именной формы выражения действия.

Ключевые слова: девербатив, отглагольное имя действия, аспектуальность, кратность.

E. Pchelintseva

The Semantic Feature of Multiplicity in Russian Nomina Actionis

The article deals with investigation of Russian noun deverbatives' semantic potential within expression of the aspectual category of recurrence. Types of recurrence meanings, relevant and irrelevant for deverbatives, are specified.

Keywords: deverbative, action verb-derived noun, aspectuality, recurrence.

Скрытые грамматические признаки, проявляющиеся в трансформационных возможностях и в сочетаемости лингвистических единиц, послужили основой для идеи «скрытой грамматики», моделирования универсального «внутреннего каркаса» языка в работах А. А. Потебни, Л. В. Щербы, Б. Уорфа, Э. Кошмидера, С. Д. Кацнельсона, О. М. Соколова, А. Вежбицкой. В русле этих исследований особый интерес для анализа представляют словообразовательные транспозиты, поскольку, по мысли Е. С. Кубряковой, при синтаксическом словообразовании семантическая структура производного слова содержит скрытые семы, обусловленные влиянием синтаксической и лексической сочетаемости мотиватора [6]. Именно такими свойствами обладает отглагольное существительное со значением дей-

ствия — как синкретичное образование, сочетающее в своей структуре признаки двух наиболее ярко противопоставленных частей речи.

Генетическая «глагольность» девербативов подчеркивалась исследователями разных языков. Сравнивая французские и русские отглагольные существительные, В. Г. Гак указал на сохранение в тех и в других семантических оттенков вида, а также на аспектуально-семантическое соотношение суффиксов *-tion-* и *-аниѣ-*, *-age-* и *-к-* [1, с. 234]. Теоретик трансформационной грамматики П. Сьюрен отмечал аспектуальные различия имен действия в английском языке: «словосочетанием *the theft of the jewellery* 'кража драгоценностей' обозначается отдельное событие (аористический вид), в то время как *the thieving of the jewellery*

'хищение драгоценностей' — это многократный вид» [17, с. 4]. Проблема сохранения и актуализации глагольных признаков в русских девербативах исследовалась в работах многих отечественных языковедов (А. Х. Востокова, А. А. Потебни, В. В. Виноградова, Е. И. Коряковцевой, В. П. Казакова, А. В. Петрова и др.). Однако вопрос об имплицитных аспектуальных компонентах, динамике аспектуальных сем в семантической структуре русских отглагольных существительных во многих отношениях все еще остается нерешенным.

Категория аспектуальности в русском языке охватывает целый комплекс семантических признаков, которые Ю. С. Маслов сгруппировал в два типа: количественные и качественные [7]. Одним из важных элементов количественной аспектуальности является кратность (повторяемость), которая характеризует действие по количеству «крат». Она может быть реализована как однократность (единичное действие) и как неоднократность (повторяющееся действие). Мы опираемся на классификацию вариантов кратности (неоднократности), предложенную В. С. Храковским [12], в которой значимыми являются следующие семантические признаки: период времени, в который происходит повторение ситуаций (один или множество отдельных периодов), и состав участников (тождественный или нетождественный). На основе этих признаков выделяются три семантических типа кратности: мультипликативная, дистрибутивная и итеративная. Реализация этих разновидностей кратности в русских отглагольных существительных со значением действия и является предметом исследования в настоящей статье.

Цель нашей работы — установить типы значений кратности, релевантные и нерелевантные для именной формы выражения действия, и очертить аспектуальный потенциал имени действия в сфере кратности.

Одним из формальных средств выражения семантического признака кратности в

русском языке является лексико-грамматическая категория способа глагольного действия [10; 12; 13]. Даже по самым скромным подсчетам, только от глаголов морфемно-характеризованных способов действия в русском языке образовано более 2000 существительных со значением действия. Это представляется достаточным основанием для того, чтобы принять во внимание данный уровень аспектуальной семантики при анализе девербативов. Для получения максимально объективных результатов был проведен сплошной анализ русских существительных со значением действия, мотивированных глаголами морфемно-характеризованных способов действия, а также — частично — существительных, образованных от глаголов, не характеризованных по этому признаку*. Показателями релевантности / нерелевантности определенного грамматического значения для имени действия мы считаем возможность образования девербатива от глагола, обладающего данным грамматическим значением (фиксацию соответствующего имени действия в словаре), а также возможность актуализации этого значения в контексте (наличие соответствующего словоупотребления в текстовом материале). В ходе исследования выяснилось, что словообразовательная активность глаголов не одинакова и зависит не только и не столько от формальных признаков, сколько от глубинного грамматического аспектуального значения.

Мультипликативная кратность означает ограниченное или неограниченное множество повторяющихся микроситуаций, в которых активны одни и те же участники [13]. В сфере глагола значение мультипликативной кратности реализуется прежде всего с помощью многоактных глаголов, обозначающих действия, расчлененные на неограниченно-повторяющиеся отдельные акты. Как показал количественный анализ, они очень продуктивны в отношении образования существительных: из 280 мультипликативных глаголов, представленных в МАС и

БАС, 255 мотивируют имена действия. В речи последние чаще всего используются в роли делиберата восприятия в значении, сопоставимом с конкретно-процессным значением НСВ. Форма мн. ч. может подчеркивать раздельность повторяющихся актов действия, наличие временных промежутков между ними. При этом, если девербатив сохраняет глагольный имперфективный суффикс, каждый отдельный акт действия имеет свою собственную «внутреннюю» длительность:

(1) *Он запомнил... пред образом на коленях рыдающую, как в истерике, со **взвизгиваниями** и **вскрикиваниями**, мать свою* (Достоевский);

— в отличие от аналогичных конструкций с одноактными именами действия без имперфективных суффиксов:

(2) *По дворам еще раздавались дикие **вскрики**, лязг оружия* (А. Толстой).

Кратное мультипликативное значение с субъективно-негативной оценкой количества действия выражается также глаголами чрезмерного-кратного способа действия. Они характеризуются количественно-временной границей, обусловленной чрезмерным количеством повторяющегося действия, и не имеют имперфективных форм. Формальный показатель — префикс *из-*. По нашим подсчетам, этим параметрам соответствует около 30 глаголов, из них девербативы образуют только 6: *истощение, изнеможение, израстание, иссушение, исхудание, износ*. В контекстах они сохраняют оттенки чрезмерного количества действия:

(3) *Умерла она от быстрого **истощения сил*** (Лесков).

Они могут также выражать значение устойчивого длящегося состояния с отрицательной оценкой степени его интенсивности. Значение ограниченной пределом длительности в этих случаях погашается:

(4) *Признаки болезни моей меня сильно **устрашили**: **сверх исхудания** необыкновенного — боли во всем теле* (Гоголь).

Мультипликативная кратность может быть также представлена как ограниченное во времени множество ситуаций (*застучать, попрыгать*). Это значение релевантно для начинательных и длительно-ограничительных глаголов, которые вообще не мотивируют имен действия вследствие эксплицитного выражения признака предельности. Предельная мультипликативная кратность может выражаться только средствами контекста, например, конструкцией с темпоральным предлогом, указывающим на завершенность многократного действия:

(5) *После некоторого **колебания** он сказал твердо, но по-дружески...* (М. Филиппов).

Другим семантическим типом кратности является дистрибутивная неоднократность, передающая значение монотемпорального множества микроситуаций, повторяющихся в пределах одного ограниченно-длительного периода, в каждой из которых активны различные отдельные представители совокупного деятеля. Существенной чертой этого типа кратности является обязательное (имплицитное или эксплицитное) присутствие признака предельности, наличие границы действия, иначе говоря, — пересечение с полем лимитативности. Значение дистрибутивной кратности реализуется в глаголах дистрибутивно-суммарного, кумулятивного и тотального способов действия.

Дистрибутивно-суммарное значение выражает постепенный охват результативным действием всех субъектов или объектов. Словообразовательная активность дистрибутивно-суммарных глаголов в отношении имен действия зависит от степени проявления признака предельности. Так, глаголы с приставкой *по-* (*пострелять всех птиц*) эксплицитно предельны, лишены признака процессности и обозначают предельное множество повторяющихся ситуаций. Очевидно, этим обусловлена абсолютная невозможность образования соответствующих имен действия. Анализ 130 русских глаголов с префиксом *по-*, для которых дистри-

бутивно-суммарное значение является единственным или сочетается с делимитативным (*повспоминать всех друзей — повспоминать несколько минут*), свидетельствует о нерелевантности этой семантики для девербативов: не выявлено ни одного существительного, образованного от таких глаголов. Показательно, что процессно-результативные ЛСВ таких глаголов мотивируют девербативы без ограничений: *порез, подавление, погружение, поломка, побуждение*. При этом совершенно невозможно: **порез всех кур, *подавление всех комаров, *побуждение всех соседей* и т. д.

Дистрибутивно-суммарное значение реализуется также в глаголах с приставкой *пере-* (их насчитывается 340). Если дистрибутивное значение является единственным (как в *переловить, перецеловать*), то девербативы от них не образуются. Дистрибутивные глаголы с приставками *об-* и *раз-* имеют имперфективную форму, выражающую потенциальную предельность, и обладают признаком процессуальности, поэтому имена действия образуются от них почти без ограничений. Так, от дистрибутивно-суммарных глаголов с приставкой *раз-* (*рас-*) образовано 45 девербативов: *разбрызгивание* (во все стороны), *рассылание* (во все концы). В контексте такой девербатив, как правило, управляет существительным в форме мн. ч. со значением (прямого) объекта:

(6) *Так начался новый кружок в Москве, поставив своей целью **распространение** революционных идей среди учащихся...* (Морозов).

Глаголов с приставкой *об-* и дистрибутивно-суммарным аспектуальным значением немного — 28. Половина из них (13) мотивирует девербативы: *обдаривание, обшаривание, обход, опрашивание, объезд* и т. п. Использование этих имен в дистрибутивно-суммарном значении обычно также требует дополнения (в форме мн. ч.), сохраняется возможность сочетания с обычными для мотиватора детерминантами (см. пример 8).

Вместе с тем, отдельные — по-видимому, наиболее частотные в речи — девербативы этой группы допускают употребление без дополнения в форме мн. ч. (ср. поддерживаемую контекстом факультативность дополнения *палат* в примере 8), а также с (факультативным) дополнением в форме ед. ч., которое может быть трансформировано в локальный детерминант, ср.: *обыскать дом → произвести обыск (дома / в доме) → у нас (дома) был обыск*.

Признак предельности может эксплицироваться в контексте:

(7) *У нас дома был **обыск**, и отца моего забрала милиция и увела в тюрьму* (Гайдар) (= ...дом обыскали (СВ), и...).

Если внешние ограничения отсутствуют, то значение предельности в контексте имеет потенциальный характер:

(8) *Земский врач Григорий Иванович... как-то утром делал у себя в больнице **обход** палат* (Чехов) — конкретно-процессное дистрибутивное значение.

Таким образом, дистрибутивно-суммарные глаголы обнаруживают разную производительность относительно имен действия в зависимости от наличия семы процессуальности и характера признака предельности.

Дистрибутивная кратность реализуется также в глаголах кумулятивного способа действия, который выражает достижение значительного количества результатов путем многократного совершения действия. Формальным показателем является префикс *на-*, а также сочетаемость с родительным падежом и словами типа *много, уйма, множество*. По нашим данным, глаголов с такой семантикой 165. Специфика этого способа действия обуславливает невозможность образования имен от глаголов, для которых это значение является единственным: *накосить травы — *накошение травы, настирать белья — *настирание белья, наделать посуды — *наделание посуды* и т. д. Однако зачастую кумулятивность — это только одно из значений глагола, и в этом

случае существительное, как правило, образуется, но от других глагольных ЛСВ (например, общерезультативных): *нажатие* — действие по значению глаголов *нажать* — *нажимать* в значении 'произвести давление'. ЛСВ 'выжать сок в определенном количестве' (*нажать банку сока*) не образует девербатива. Аналогично и в следующем случае: *нанесение* (*нанести подарков* — **нанесение подарков*). К сожалению, в ряде случаев словари не учитывают трансформации глагольного аспектуального значения в девербативе. Так, в МАС фиксируется кумулятивное значение в 18 девербативах: *навивание* — *навивка* (гнезд), *наброска* (песка), *наметывание* (икры), *накачка* — *накачивание* (ведра воды), *намолачивание* (тонны зерна), *накидывание* (мячей в корзину) и т. п. В принципе, некоторые из названных девербативов могут употребляться в кумулятивном значении (*навязка кофты*, *нарубка леса*), однако в нашей картотеке не оказалось ни одного предложения с девербативом четко выраженной кумулятивной семантики. Нехарактерность кумулятивного значения для девербативов вследствие преимущественно эксплицитной реальной предельности обозначаемого действия представляется очевидной.

Наиболее продуктивными в отношении имен действия (166 глаголов — 113 девербативов) среди всех дистрибутивных глаголов являются глаголы тотального образа действия (типа *изрисовать*), что обусловлено их более широкими возможностями репрезентации действия как незаконченного, процессуального, потенциально предельного. Тотальный способ действия выражает крайнюю степень интенсивности действия, проявляющуюся в его рассредоточенном воздействии на весь субъект или объект. К этому способу действия относятся глаголы с приставками *из-* (*изрисовать*, *исписать*), *вы-* (*вытоптать*, *выпачкать*). В их семантической структуре присутствуют компоненты 'делить что-либо на части', 'покрывать что-то чем-то по частям',

'двигаться по чему-либо часть за частью'. От тотальных глаголов с приставкой *из-* образовано 38 имен действия: *изукрашивание*, *израсходование*, *изрисовывание* и т. д. С приставкой *вы-* и значением тотальности — 75 девербативов (*вытаптывание*, *вымазывание* и т. д.). Характерно, что существительные образуются только от глаголов, имеющих имперфективные формы, и в большинстве случаев словообразовательно соотносятся именно с имперфективной основой. В контекстуальном употреблении они выражают только потенциальную предельность:

(9) Я... *изничтожение* Муром зрел, и Суждаля и Володимера... (Бородин).

Таким образом, реализация в именах действия значения дистрибутивной неоднократности возможна только при условии имплицитного потенциального характера признака предельности у мотиватора. Реальный эксплицитный предел дистрибутивного кратного действия может выражаться в данном случае только средствами контекста, но не внутрисловно.

Третий тип неоднократности — итеративный — отличается от предыдущих семантикой неограниченности, политемпоральности и неизменностью состава участников. Специальным средством выражения этого значения является многоактный способ действия (*сизживать*, *хаживать*), однако от таких глаголов имена не образуются, а сами эти глаголы являются реликтовым классом (около 10 слов).

Другой стороной категории кратности является значение одноактности. В русском языке основным средством его выражения являются одноактные глаголы, которые обозначают одну микроситуацию относительно множества таких же повторяемых ситуаций, обозначаемых имперфективным глаголом. Заметим, что три четверти многоактных глаголов в русском языке имеют соотносительные одноактные образования (203 из 262, по данным В. И. Яковлева [15]) типа *булькать* — *булькнуть*. В отглагольных

именах действия такой регулярной соотносительности по признаку одноактности — многоактности не наблюдается (соотносительных именных пар, которые сохраняют глагольные показатели одноактности — многоактности, в нашей картотеке насчитывается около 40: *взмах — взмахивание; глотание — глоток* и т. п.). При употреблении в контексте в форме единственного числа «одноактные» девербативы всегда актуализируют значения одноактного, чаще моментального действия:

(10) *Шуршащая медленность мига Тревожным звонком прервалась* (Евтушенко).

Однократное значение может выражаться также с помощью других девербативов, образованных, в частности, от глаголов общерезультативных способов действия, хотя здесь, скорее, идет речь об одноразовом характере действия, чем о значении одноактности, которое модифицирует действие в сравнении с многоактностью [6, с. 82]. В однократном значении, как правило, употребляются имена, мотивированные результативно-тотивными, результативно-непроцессными и многоактными глаголами при наличии определенных контекстуальных условий, например слов *этот, каждый, один*:

(11) *Каждый стон ее раздирал его душу, каждый промежуток молчания обливал его ужасом...* (Пушкин).

Иными словами, в именах действия одноактность маркирована внутрисловно реже, чем в глаголе. Тем не менее, при наличии формальных показателей (например, суффикса *-ок*) они обозначают исключительно одноактное действие. Этот разряд деверба-

тивов можно считать уникальным, потому что сугубо именной суффикс аспектуально маркирует именное действие, причем совершенно однозначно (слова *кивок* или *хлопок* в форме ед. ч. не могут обозначать кратное повторяемое действие). Другие имена действия также могут выражать одноактные или однократные значения, но только при соблюдении определенных контекстуальных условий.

Таким образом, семантический потенциал имен действия в сфере выражения значения кратности уже, чем у глагола. Мультипликативный тип неоднократности наследуется девербативом только в своем непредельном варианте. Транспозиция глагольного значения дистрибутивной неоднократности в существительное зависит от степени выраженности признака предельности. Она возможна только при условии потенциального характера предела, что свойственно дистрибутивным глаголам с приставками *об-* и *раз-*, а также глаголам тотального способа действия. Итеративная неоднократность не предполагает предельности, а потому релевантна для имен действия. Следовательно, фактором, ограничивающим реализацию категории кратности в девербативах, выступает тип отношения кратного действия к его пределу: имя действия может выражать непредельное повторение действий или содержать признак предельности в имплицитном, потенциальном виде (как направленность действия на достижение предела). Значение многократности, эксплицитно ограниченной количественно-временным пределом, для именной формы выражения действия нерелевантно.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- БАС — Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. М.; Л., 1948–1965.
 МАС — Словарь русского языка / Под ред. А. П. Евгеньевой: В 4 т. М., 1981.
 НСВ — несовершенный вид
 СВ — совершенный вид
 ЛСВ — лексико-семантический вариант

ПРИМЕЧАНИЯ

* Фактический материал получен методом сплошной выборки из «Словаря русского языка» (В 4 т. М., 1981–1984), «Словаря современного русского литературного языка» (М.; Л., 1948–1965, Т. 1–17) и составляет более 5 500 отглагольных существительных со значением действия. Картотека контекстуальных употреблений девербативов в текстах художественной литературы и периодики составляет более 5 тыс. единиц.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гак В. Г. Сравнительная типология французского и русского языков. М., 1983. 288 с.
2. Вежбицкая А. Семантика грамматики. М., 1992. 31 с.
3. Казаков В. П. Синтаксис имени действия. Л., 1994.
4. Кацнельсон С. Д. Типология языка и речевое мышление. М., 1972. 216 с.
5. Коряковцева Е. И. Статус имени действия // Вопросы языкознания. 1996. № 3. С. 55–65.
6. Кубрякова Е. С. Когнитивная лингвистика и проблемы композиционной семантики в сфере словообразования // Известия АН. Серия литературы и языка. 2002. Т. 61. № 1. С. 13–24.
7. Маслов Ю. С. К основаниям сопоставительной аспектологии // Вопросы сопоставительной аспектологии. Л., 1978. С. 4–44.
8. Петров А. В. Закономерности в расщеплении семантики многоморфемных отглагольных существительных // Проблемы семантики в аспекте преподавания русского языка как иностранного. М., 1991. С. 22–25.
9. Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. Т. 4. Вып. 2. М., 1977. 406 с.
10. Смирнов И. Н. Выражение повторяемости и обобщенности действия в современном русском языке. СПб., 2008. 160 с.
11. Соколов О. М. Имплиcitная морфология русского глагола. Морфемика. М., 1991. 77 с.
12. Храковский В. С. Кратность // Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Л., 1987. С. 124–152.
13. Шелякин М. А. Категория вида и способы глагольного действия русского глагола. Таллин, 1983. 216 с.
14. Щерба Л. В. Избранные работы по русскому языку. М., 1957. 188 с.
15. Яковлев В. И. Многоактность как способ глагольного действия // Филол. науки. 1975. № 3. С. 97–105.
16. Koschmieder E. Beitrage zur allgemeinen Syntax. Heidelberg, 1965. S. 19.
17. Seuren Pieter A. M. Introduction // Semantic syntax. Oxford, 1974. P. 4.
18. Whorf B. L. Language. Thought and Reality. Cambridge; N.Y., 1959. P. 88–89.

REFERENCES

1. Gak V. G. Sravnitel'naja tipologija frantsuzskogo i russkogo jazykov. M., 1983. 288 s.
2. Vezhbitskaja A. Semantika grammatiki. M., 1992. 31 s.
3. Kazakov V. P. Sintaksis imeni dejstvija. L., 1994.
4. Katsnel'son S. D. Tipologija jazyka i rechevoe myshlenie. M., 1972. 216 s.
5. Korjakovtseva E. I. Status imeni dejstvija // Voprosy jazykoznanija. 1996. № 3. S. 55–65.
6. Kubrjakova E. S. Kognitivnaja lingvistika i problemy kompozitsionnoj semantiki v sfere slovoobrazovanija // Izvestija AN. Serija literatury i jazyka. 2002. T. 61. № 1. S. 13–24.
7. Maslov Ju. S. K osnovanijam sopostavitel'noj aspektologii // Voprosy sopostavitel'noj aspektologii. L., 1978. S. 4–44.
8. Petrov A. V. Zakonomernosti v rasshcheplenii semantiki mnogomorfemnyh otglagol'nyh sushchestvitel'nyh // Problemy semantiki v aspekte prepodavanija russkogo jazyka kak inostrannogo. M., 1991. S. 22–25.
9. Potebnja A. A. Iz zapisok po russkoj grammatike. T. 4. Vyp. 2. M., 1977. 406 s.
10. Smirnov I. N. Vyrazhenie povtorjaemosti i obobshchennosti dejstvija v sovremennom russkom jazyke. SPb., 2008. 160 s.

11. Sokolov O. M. Impltsitnaja morfologija russkogo glagola. Morfemika. M., 1991. 77 s.
12. Hrakovskij V. S. Kratnost' // Teorija funkcional'noj grammatiki. Vvedenie. Aspektual'nost'. Vremennaja lokalizovannost'. Taksis. L., 1987. S. 124–152.
13. Sheljakin M. A. Kategorija vida i sposoby glagol'nogo dejstvija russkogo glagola. Tallin, 1983. 216 s.
14. Werba L. V. Izbrannye raboty po russkomu jazyku. M., 1957. 188 s.
15. Jakovlev V. I. Mnogoaktnost' kak sposob glagol'nogo dejstvija // Filol. nauki. 1975. № 3. S. 97–105.
16. Koschmieder E. Beitrage zur allgemeinen Syntax. Heidelberg, 1965. S. 19.
17. Seuren Pieter A. M. Introduction // Semantic syntax. Oxford, 1974. P. 4.
18. Whorf B. L. Language. Thought and Reality. Cambridge; N.Y., 1959. P. 88–89.

А. Г. Гурочкина

ТРАНСФОРМИРОВАННЫЕ БИБЛЕЙСКИЕ ПРИТЧИ И РАССКАЗЫ КАК ПОЛИТКОРРЕКТНЫЙ КОМИЧЕСКИЙ ТЕКСТ

Рассматриваются политкорректные комические тесты, созданные на базе исходных сакральных текстов — притч Нового Завета и рассказов Ветхого Завета. Исходные сакральные тексты подвергаются разнообразным трансформациям как на уровне композиции, сюжета, персонажей, так и на языковом уровне, в результате чего возникают новые художественные формы, в которых в шутилой, ироничной манере ярко демонстрируется абсурдность многих языковых инноваций и положений политкорректности.

Ключевые слова: политкорректные тексты, трансформация, притчи, сюжет, персонаж, абсурд, комический эффект.

А. Gurochkina

Politically Correct Comic Parables and Old Testament Stories

The paper deals with “politically-correct” texts based on the motifs from the Old and New Testament. It analyses the transforms of composition, subject matter and characters as well as verbal transformations. Newly-created literary forms are designed to critique certain absurdities, both linguistic and ethical, of the politically correct trend.

Keywords: “politically-correct” texts, transformation, parables, subject matter, characters, absurdity, comic effect.

Политкоммуникация представляет собой, как известно, один из важных факторов развития современного общества, определяющих тенденции его социального развития как в ближайшей и непосредственной, так и в дальней перспективе. Данный факт способствует возникновению новых технологий и новых регулятивов, каковым является появившийся в XX веке феномен политкорректности.

Изначально феномен политкорректности возникает в более зрелом в плане социаль-

ных технологий и технологий манипулирования общественным сознанием американском обществе, в котором этническое и расовое разнообразие социума сделало проблемы социальной и политической корректности особо важными, а чувствительность общества к различного рода нарушениям и отклонениям — высокой.

В 90-е годы прошлого века в США и в Европе сформировались леворадикальные движения, была создана идеологическая платформа о недопустимости ущемления